

*Двум людям, которые научили меня мужеству
и доброте: моим сестрам Кристи и Мелиссе.
А также моей матери, бабушке и отцу*

GAVIN DE BECKER

THE GIFT OF FEAR

SURVIVAL SIGNALS THAT PROTECT US
FROM VIOLENCE

Little, Brown and Company

BOSTON

NEW YORK

TORONTO

LONDON

ГЭВИН ДЕ БЕККЕР

ДАР СТРАХА

КАК РАСПОЗНАВАТЬ ОПАСНОСТЬ
И ПРАВИЛЬНО НА НЕЕ РЕАГИРОВАТЬ

Перевод с английского

Москва
2017

УДК 316.62
ББК 88.26-8
Б42

Переводчик Михаил Витебский
Редактор Любовь Сумм

Беккер Г.

Б42 Дар страха: Как распознавать опасность и правильно на нее реагировать / Гэвин де Беккер ; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2017. — 410 с.

ISBN 978-5-91671-756-3

Новая няня вызывает у матери тревогу. На безлюдной автостоянке подозрительный незнакомец навязывает непрошеную помощь. Часто угрозы — не плод нашей фантазии, они реально подстерегают нас. В этой книге Гэвин де Беккер, ведущий мировой эксперт по насильственному поведению, показывает, как распознавать сигналы внешней среды и безошибочно реагировать на них. Опровергая мнение, что самые страшные акты агрессии обычно непредсказуемы, Беккер предлагает проверенные жизнью способы защитить себя и тех, кого вы любите. Что делать, когда кто-то преследует вас? Как выяснить источник анонимных телефонных звонков? Какая ошибка может стать роковой в случае, если вам угрожают? Отвечая на эти вопросы, автор опирается на огромный опыт изучения психологии преступников, приводит примеры множества реальных ситуаций с жертвами уличного и семейного насилия и действий психопатов, маньяков и убийц политиков и звезд.

УДК 316.62
ББК 88.26-8

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alpina.ru.

© Gavin de Becker, 1997

This edition published by arrangement with Little Brown and Company, New York, New York, USA.

All rights reserved.

© Издание на русском языке, перевод, оформление.

ООО «Альпина нон-фикшн», 2017

ISBN 978-5-91671-756-3 (рус.)
ISBN 10987654321 (англ.)

Оглавление

1	Рядом с опасностью	7
2	Технология интуиции	34
3	Академия прогнозов	56
4	Сигналы выживания	72
5	Несовершенные незнакомцы	100
6	Важнейшие прогнозы	116
7	Обещания убийства	134
8	Настойчивость, настойчивость	155
9	Насилие на работе	183
10	Близкие враги	223
11	«Я пыталась охладить его пыл»	251
12	Боязнь детей	272
13	Лучше быть разыскиваемым полицией, чем не быть разыскиваемым вообще	299
14	Экстремальные опасности	337
15	Дар страха	357
	Благодарности	386
	Приложение 1	390
	Приложение 2	391
	Приложение 3	395
	Приложение 4	396
	Приложение 5	398
	Приложение 6	404
	Список рекомендуемой литературы	407

Примечание: Мужчины всех возрастов во всех частях света более жестоки по сравнению с женщинами. По этой причине язык моей книги более мужской. Когда речь заходит о насилии, женщины могут с гордостью отказаться от понимания такого языка, потому что по крайней мере здесь то, что корректно политически, будет некорректно статистически.

Гэвин де Беккер

РЯДОМ С ОПАСНОСТЬЮ

Превыше всего — отказаться быть жертвой.

Маргарет Этвуд

Скорее всего, он следил за ней какое-то время. Мы в этом не уверены, но нам точно известно, что она была не первой его жертвой. В тот день, намереваясь сделать все покупки за один раз, Келли переоценила свои силы. Сражаясь с тяжелыми сумками, она пыталась оправдать свое решение тем, что если бы она купила то, что ей нужно, за две поездки, то ей пришлось бы идти домой пешком после наступления темноты, а она слишком заботилась о своей безопасности, чтобы так поступать. Поднявшись по ступенькам короткой лестницы к входу в многоквартирный дом, она увидела, что дверь (опять) не заперта. Это соседи, подумала она. Хотя их легкомыслие раздражало ее, сейчас она была даже рада: не придется копаться в поисках ключей.

Она закрыла дверь и нажимала на нее до тех пор, пока не услышала щелчок. Она уверена, что заперла дверь, и это означает, что он уже находился в подъезде.

Затем нужно было подняться на четыре лестничных пролета, которые она хотела преодолеть за один раз. Перед третьей площадкой один из пакетов не выдержал, разорвался, и на пол посыпались банки с кошачьей едой. Они катились вниз по лестнице, как бы играя, будто стремясь убежать от нее. Банка, которая катилась первой, замерла перед вторым этажом, и Келли увидела, как она буквально повернула за угол, набрала ско-

рость и опять словно злонамеренно запрыгала вниз по ступенькам следующего пролета, скрывшись из вида.

«Я поймал ее! Сейчас принесу наверх», — крикнул кто-то. Голос Келли не понравился. С самого начала она почувствовала в нем что-то не то. Но вслед за голосом появился дружелюбный молодой человек: он поднимался по лестнице, собирая по пути банки.

Он сказал: «Позвольте подать вам руку».

«Нет-нет, спасибо, все в порядке».

«Что-то не похоже, что у вас все в порядке. На какой этаж вы поднимались?».

Она замялась, перед тем как ответить. «На четвертый, но у меня действительно все в порядке».

Он как будто не слышал, что она говорила, и уже стоял перед ней, прижимая собранные банки одной рукой к груди. «Я тоже шел на четвертый, — сказал он. — Опаздываю — не по своей вине, просто часы сломались, — так что не будем задерживаться. И дайте-ка мне это». Свободной рукой он потянул один из тяжелых пакетов, которые она держала. Она опять повторила: «Нет, правда, спасибо, но я справлюсь».

Держась за ручку пакета, он сказал: «Знаете, не надо быть слишком гордой».

Какое-то мгновение Келли не отпускала пакет, а потом отпустила. Это кажущееся незначительным взаимодействие между доброжелательным незнакомцем и адресатом его предупредительности послужило сигналом и ему, и ей: она готова доверять ему. Пакет перешел из-под ее контроля под его контроль, и одновременно чужой воле подчинилась она сама.

«Нам лучше поторопиться, — сказал он, поднимаясь по лестнице впереди Келли. — У нас там наверху голодная кошка».

Даже несмотря на то что в тот момент он, казалось, хотел помочь, и ничего более, она все равно опасалась его, хотя, как она думала, безосновательно. Он был дружелюбен и галантен, и ей стало стыдно за свои подозрения. Она не хотела быть человеком, который не доверяет никому. И так они подошли к дверям ее квартиры.

«Вы знаете, что кошка может жить без еды три недели? — спросил он. — Вот как я выяснил: я однажды пообещал кормить кошку моего приятеля, пока его не будет в городе, и забыл».

Келли отперла дверь в свою квартиру.

«Здесь я возьму свои сумки», — сказала она, надеясь, что он отдаст ей покупки, выслушает благодарности и пойдет своей дорогой. Но он сказал: «О нет, я не для того шел так далеко, что позволить вам еще раз разбросать кошачью еду». Она по-прежнему колебалась, пускать ли его в квартиру, и он понимающе засмеялся: «Ну, мы же можем оставить дверь открытой, как делают леди в старых фильмах. Я просто занесу все это и уйду. Обещаю».

Она впустила его в квартиру, но он не сдержал обещания.

Сейчас, рассказывая мне об изнасиловании и трехчасовых мучениях, которые ей пришлось пережить, Келли то и дело прерывается и тихо плачет. Она уже знает, что этот человек убил одну из своих жертв, зарезал ее.

Все это время, пока мы сидим друг напротив друга в скверике рядом с моим офисом, Келли держит меня за руки. Ей двадцать семь лет. До изнасилования она работала социальным педагогом для детей с нарушениями развития, но уже длительное время не работает. Тот молодой человек приятной наружности заставил ее три часа страдать в собственной квартире и еще три месяца являлся ей в мучительных воспоминаниях. Она потеряла уверенность в себе, чувство собственного достоинства до сих пор не восстановилось.

Келли предстоит понять: когда она прислушалась к одному слабому сигналу о выживании, это спасло ее жизнь. А до того она пренебрегла множеством других сигналов и подвергла себя огромному риску. Она смотрит на меня сквозь слезы и говорит, что хочет разобраться в стратегии своего мучителя. Она хочет, чтобы я рассказал, как интуиция спасла ей жизнь. Но она расскажет мне об этом сама.

«Это было уже после того, как он поднес пистолет к моей голове, после того, как он меня изнасиловал. После всего этого. Он встал с кровати, оделся, закрыл окно. Он посмотрел на часы, а потом вроде бы заторопился».

«Мне надо кое-куда. Эй, не смотри так испуганно. Я обещаю, что не сделаю тебе ничего плохого». Келли точно знала, что он лжет. Она знала, что он хочет убить ее, и, хотя это трудно представить, впервые с того момента, когда все это началось, она почувствовала жуткий страх.

Он махнул в ее сторону пистолетом и произнес: «Не двигайся и ничего не делай. Я пойду на кухню попить чего-нибудь, а потом уйду. Честное слово. А ты оставайся там, где сидишь». У него не было особых причин волноваться, что Келли не подчинится его приказам, потому что с того момента, как она отдала ему пакет, и до сих пор она полностью находилась под его контролем. «Ты же знаешь, что я не пошевелюсь», — заверила она его.

Но в ту секунду, когда он вышел из комнаты, Келли вскочила и пошла за ним, стащив с кровати простыню. «Я следовала за ним, как привидение, и он ничего не заметил. Мы вместе вышли в холл. В какой-то момент он остановился, и я остановилась тоже. Он посмотрел на мою стереоустановку, из которой лилась какая-то музыка, и сделал звук громче. После этого он двинулся в сторону кухни. Я повернулась и прошла через гостиную».

Идя к входной двери, Келли слышала, как он выдвигает ящики и оставляет их открытыми. Она прошла через площадку в квартиру напротив (дверь в которую, как она почему-то угадала, не была заперта). Поднеся палец к губам, она сделала удивленным соседям знак сохранять тишину и захлопнула дверь.

«Я знала: если останусь в комнате, он вернется из кухни и убьет меня. Но я не знаю, почему была так уверена в этом».

«Знаете», — настаиваю я.

Она вздыхает и опять начинает говорить: «Он встал, оделся, закрыл окно и посмотрел на часы. Он обещал не делать мне

ничего плохого, но ведь никто не требовал с него обещаний. Затем он вышел в кухню, как будто бы попить, но я слышала, как он выдвигал там ящики. Конечно, он искал там нож, я это поняла заранее». Она делает паузу: «Я думаю, он искал нож, потому что от выстрела было бы слишком много шума».

«Почему вы решили, что он избегал шума?» — уточняю я.

«Не знаю, — она надолго замолкает, глядя мимо меня и вспоминая человека в спальне. — О... Я знаю, я поняла, поняла. Чтоб не было шума, вот почему он закрыл окно. И тогда я догадалась».

Поскольку он был одет и вроде бы собирался уходить, у него не было причин закрывать окно. Этот слабый сигнал предупредил Келли, а страх дал ей мужество встать и без колебаний следовать за мужчиной, который намеревался убить ее. По ее словам, страх был абсолютным, он вытеснил все остальные чувства. Словно внутри ожило животное, которое и двигало ее ногами. «Я не имела к этому никакого отношения, — объяснила она. — Меня словно вели по этому коридору».

То, что она испытала, было настоящим страхом — не тот, когда человека просто напугают, или при просмотре ужастика, или перед публичным выступлением. Этот страх был ее мощным союзником, который говорил: «Делай, как я велю». Иногда такой страх приказывает притвориться мертвым или не дышать, в других случаях — бежать, громко кричать или драться. Келли же он сказал: «Просто веди себя тихо и не сомневайся во мне, и я выведу тебя отсюда».

Келли рассказала мне, что она снова почувствовала уверенность в себе, когда поняла, что действовала в соответствии с этим сигналом и спасла себе жизнь. Она сказала, что устала от обвинений со стороны и самообвинений: как, мол, онапустила этого человека в свою квартиру. Она сказала также, что в результате наших с ней встреч она усвоила достаточно для того, чтобы никогда в будущем не оказаться жертвой.

«Возможно, даже хорошо, что так получилось, — размышляет она. — Самое интересное, что теперь, обладая такой

информацией, я увереннее хожу по улицам, чем раньше. Но все же должен быть более щадящий способ получить такой урок».

И тут мне пришла в голову мысль. То, что спасло жизнь Келли, может спасти ваши жизни. Ее мужество, старание прислушиваться к своей интуиции, решимость осмыслить произошедшее и навсегда освободиться от недопустимого страха и есть тот урок, которым необходимо поделиться не только с жертвами, но и с теми, чьи несчастья можно предотвратить. Я хочу, чтобы эта книга помогла вам не стать жертвой.

Меня называют экспертом из-за того, что я имею опыт борьбы с насилием, прогнозировал поведение «стрелков», навязчивых преследователей, потенциальных убийц, отвергнутых бойфрендов, бывших мужей, уволенных работников и многих других. Из этого я усвоил много уроков, но моя основная предпосылка в этой книге заключается в том, что вы так же являетесь экспертами и можете прогнозировать агрессивное поведение. Как и любое живое существо, вы можете чувствовать опасность. Вы обладаете даром, великолепным внутренним стражем, который готов предупредить вас об опасности и помочь выйти из рискованных ситуаций.

Важные уроки безопасности я получал на протяжении многих лет, задавая людям, пережившим насилие, один вопрос: «Могли ли вы предвидеть, что это произойдет?» Чаще всего они говорят: «Нет, все случилось внезапно», — но если я помолчу, если я подожду пару секунд, то поступает новая информация: «Когда я впервые увидела этого парня, то почувствовала себя неуютно...», или «Теперь, когда я думаю об этом, я понимаю, что насторожилась, когда он приблизился», или «Теперь я вспоминаю, что в тот день видела эту машину раньше».

Конечно, если они понимают это сейчас, то знали об этом и тогда. Мы все видим эти сигналы, потому что они представляют собой универсальный код агрессии. В следующих главах книги вы найдете некоторые советы по взлому этого кода, но главный ключ уже находится в вас самих.

На самом деле вздымающиеся вверх и вновь рушащиеся волны в океане не движутся, скорее сквозь них движется энергия. В том же смысле энергия насилия движет нашей культурой. Кто-то воспринимает это как неприятный, но легкий бриз, который можно перенести спокойно. На других насилие обрушивается подобно урагану. Но оно касается всех — абсолютно всех. Насилие — это неотъемлемое свойство Америки, более того, это общая черта рода человеческого. Оно окружает нас и находится внутри нас. Как самая мощная нация в истории мы, если можно так выразиться, забрались на вершину всемирной пищевой цепочки. Не имея более никаких врагов или каких-то хищников, представляющих для нас серьезную опасность, мы обнаружили лишь одного хищника — самих себя.

Чтобы отвести сомнения на этот счет, примите во внимание, что только за последние два года от огнестрельных ранений погибло больше американцев, чем за всю Вьетнамскую войну. Во всей Японии при населении 120 млн человек количество погибших от огнестрельных ран молодых мужчин за год равно количеству убитых в Нью-Йорке за один горячий уик-энд. Количество вооруженных ограблений у нас в сто раз больше, чем в Японии. В какой-то степени это можно объяснить тем, что в нашей стране количество единиц стрелкового оружия превышает численность взрослого населения, и каждый день на рынок поступает 20 000 единиц стрелкового оружия. Нельзя оценивать перспективы вашей безопасности в Америке, не учитывая следующих цифр: к этому времени завтра (т. е. ровно через сутки) огнестрельные ранения получают более 400 американцев и еще 1100 человек, подобно Келли, станут жертвами преступлений с применением огнестрельного оружия. В течение часа будут изнасилованы еще 75 женщин, как была изнасилована Келли.

Ни привилегии, ни слава не помогут отгородиться от насилия. За последние 35 лет в Америке было совершено больше

нападений на публичных персон, чем за 185 предшествующих лет. Обычные граждане могут столкнуться с насилием на рабочем месте. Убийство уже является главной причиной смерти женщин на работе. Двадцать лет назад мысль о том, что кто-то откроет беспорядочную стрельбу на работе, казалась нелепой, а сейчас мы слышим об этом в новостях почти каждую неделю. Страх, который руководитель испытывает перед своими коллегами, стал популярной темой на заседаниях советов директоров.

В то время как мы с готовностью осуждаем нарушения прав человека в любом государстве на планете, именно у нас, в цивилизованной Америке, уровень смертности в результате убийств в десять раз превышает этот показатель в любом другом государстве Запада, мы, цивилизованные американцы, убиваем женщин и детей со все более пугающей частотой. Если, не дай бог, огромный заполненный пассажирами до отказа лайнер упадет где-нибудь в горах и все погибнут и даже если это будет случаться каждый месяц, то количество погибших все равно не сравняется с количеством женщин, убитых за год мужьями и бойфрендами.

Все мы наблюдали, как спасатели выносили тела погибших с места взрыва в Оклахома-Сити, и в конце той недели мы, к своему ужасу, узнали, что в результате погибло девятнадцать детей. Теперь вы знаете, что за ту же неделю от рук собственных родителей погибли семьдесят детей, как за любую другую неделю, — и большинству из них было меньше пяти лет. Четырем миллионам детей повезло больше — они всего лишь подверглись физическому насилию. И это был вполне обычный год.

Такая статистика мешает вникнуть в трагедию, которая стоит за каждым преступлением, потому что большее впечатление производит не реальность, а цифры. А вот так будет понятнее: вы лично знаете женщину, которую избил, и вы, вероятно, замечали предупреждающие сигналы. Она или ее муж работают с вами, живут неподалеку, удивляют вас спортивными дости-

жениями, отпускают лекарство в аптеке или консультируют по налогам. Однако вам, возможно, неизвестно, что женщины попадают в приемные покои больниц из-за травм, нанесенных мужьями или бойфрендами, намного чаще, чем из-за травм, вызванных автомобильными авариями, ограблениями или изнасилованиями вместе взятыми.

Нашей системе уголовного правосудия часто не хватает правосудия, но еще чаще ей не хватает разума. Например, сейчас около трех тысяч человек в Америке приговорены к смертной казни, это намного больше, чем в любой момент мировой истории. Но чаще всего в качестве причины смерти таких заключенных указываются «естественные причины». Происходит это потому, что мы казним менее 2% приговоренных к смерти. Получается, что им безопаснее жить в камере смертников, чем в каком-нибудь американском городе.

Я здесь обсуждаю проблему смертной казни не для того, чтобы агитировать за нее, а лишь потому, что наша позиция по ней поднимает важнейший для этой книги вопрос: насколько серьезно мы настроены бороться с преступностью и насилием? Зачастую кажется, что мы к этому не готовы. Вот с чем мы смирились: если подсчитать, сколько могли прожить жертвы, то получается, что ежегодно американцы-убийцы крадут у нас почти миллион лет человеческих жизней.

Я привел здесь данные о частоте различных насильственных действий, потому что вы должны твердо усвоить: существует по меньшей мере минимальная возможность того, что в какой-то момент вы сами или кто-то вам близкий окажется их жертвой. Это необходимо усвоить, чтобы вовремя осознать опасность, когда она наступит. Такое понимание уравнивает нашу склонность отрицать и закрывать глаза, мощного и хитрого врага успешных прогнозов. Даже прочитав эту статистику насильственных смертей, некоторые читатели будут, как и раньше, отрицать для себя возможность оказаться в подобной ситуации: «Конечно, кругом полно насилия, но оно происходит в центре города», «Да, многих женщин избивают,

но я сейчас не состою в отношениях», «Насилие — это проблема более молодых или более пожилых», «Вы рискуете только тогда, когда ходите по улицам ночью», «Люди сами виноваты» и т. д. и т. п. Американцы — великие специалисты по отрицанию. Песню, которую они исполняют хором, можно было бы назвать «Такие Вещи В Этом Квартале Не Случаются».

Отрицание имеет любопытный и коварный побочный эффект. Отрицающие пытаются купить себе спокойствие духа, закрывая глаза на проблему, и шок в случае, если они все же подвергнутся нападению, будет гораздо сильнее, чем у тех, кто допускает его возможность. Отрицание подобно схеме «экономь сейчас — плати потом», контракту, целиком написанному мелким шрифтом, потому что в конечном итоге отрицающий знает правду на определенном уровне, и это ведет к состоянию постоянной, хотя и слабой тревоги. От нее страдают миллионы людей, а отрицание мешает им предпринять какие-нибудь меры, которые могли бы уменьшить риски (и волнение).

Если бы мы изучили любое другое живое существо и нашли у него такой же уровень внутривидового насилия, как у людей, мы были бы потрясены. Мы бы расценили это как извращение законов природы, но мы бы это не отрицали.

У того, кто стоит на железнодорожных путях, есть единственный способ избежать гибели под поездом: согласиться увидеть поезд и спрогнозировать, что он не остановится. Но вместо того, чтобы улучшать технологии прогнозирования, Америка совершенствует технологии конфликта: винтовки, тюрьмы, группы быстрого реагирования, занятия карате, баллончики с перцем, электрошоковые пистолеты, газовые баллончики. Сейчас, более чем когда-либо, нам нужны самые точные прогнозы. Просто подумайте, как мы живем: нас обыскивают перед посадкой в самолет, при входе в здание муниципалитета или мэрии, перед съемкой телепередачи или перед выступлением президента. Правительственные здания окружены баррикадами, а мы продираемся через «защищенную упаковку», чтобы принять пару таблеток аспирина. Все это вызвано

действиями менее десятка опасных мужчин, которые привлекают к себе внимание, запугивая нас. Какая еще группа людей в американской истории после тех, кто написал конституцию, может похвастаться, что так сильно влияет на нашу повседневную жизнь? Ну а поскольку страх играет такую роль, то стоит приложить усилия, чтобы разобраться, когда он является даром, а когда — бедствием.

Мы живем в обществе, в котором один человек, вооруженный винтовкой и наглостью, может пустить под откос демократическое право выбирать лидеров самого мощного государства в истории. Насилие является гарантированным пропуском к славе, и одинокий человек с манией величия и револьвером стал иконой нашей культуры. При этом мало что было сделано для того, чтобы узнать об этом человеке больше, особенно если учесть его (а иногда ее) влияние на наши жизни.

Многие считают, что нам не нужно больше знать о насилии, поскольку этим будет заниматься полиция, этим будут заниматься органы юстиции, этим будут заниматься эксперты. Несмотря на то что это касается всех нас и у каждого из нас есть какие-то знания, способные помочь решить проблему, мы оставили этот важнейший вопрос на откуп людям, которые говорят нам, что проявления насилия спрогнозировать нельзя, что риск — это игра случая и что беспокойство — неотъемлемый элемент жизни.

Ни одна из этих общепринятых точек зрения не является истинно верной.

Всю жизнь каждый из нас должен будет делать важные поведенческие прогнозы самостоятельно, без помощи экспертов. Из огромного количества окружающих нас людей мы будем выбирать кандидатов на участие в нашей жизни — в качестве начальников, подчиненных, советников, партнеров по бизнесу, друзей, любовников, супругов.

Независимо от того, каким путем — легким или трудным — вы пришли к пониманию этой истины, она неизменно заключается в том, что ваша безопасность — это ваше дело. Ни полиция, ни правительство, ни промышленность, ни управление, ни охранное агентство за нее ответственности не несут. Мы слишком часто выбираем самый легкий путь и полагаемся на ту или иную институцию, даже не проверяя, заслуживает ли она доверия. Когда мы каждое утро выпускаем на улицу детей, мы предполагаем, что школа примет на себя ответственность за их безопасность. Однако в главе 12 вы увидите, что это не всегда верно. Мы доверяем телохранителям — а ведь вам известно, что из этой среды вышли серийные убийцы «Сын Сэма» и «Душитель из Хиллсайда», убийца Джона Леннона, а также столько насильников и поджигателей, что у вас не хватит времени прочитать о них. Заслуживает ли индустрия безопасности вашей уверенности? Заслуживает ли ее правительство? У нас есть Министерство юстиции, но было бы целесообразнее иметь Министерство профилактики насилия, потому что именно в нем мы нуждаемся, и это нас беспокоит. Юстиция — это здорово, но безопасность — это вопрос выживания.

Точно так же как мы надеемся на правительство и экспертов, мы надеемся на технологии, предназначенные для решения наших проблем. Но вы вскоре увидите, что ваш личный метод решения проблемы насилия основан не на технологиях. Он основан на более серьезном ресурсе, который всегда с вами, внутри вас. Этот ресурс называется интуицией.

Возможно, вам трудно оценить этот ресурс, потому что мы, рассудительные жители Запада, поглядываем на интуицию с презрением. Ее часто называют эмоциональной, неразумной или необъяснимой. Мужья укоряют жен «женской логикой» и не воспринимают ее всерьез. Если женщина использует интуицию, чтобы объяснить сделанный ею выбор или тревогу, от которой она не может избавиться, мужчина закатывает глаза и отмахивается от ее слов. Как правило, мы предпочитаем логический, обоснованный, объяснимый и неэмоциональный мыслитель-

ный процесс, который приводит к приемлемому результату. Американцы фактически молятся на логику, даже когда она неверна, и отвергают интуицию, даже когда она верна.

Конечно, у мужчин есть своя версия интуиции, не такой легковесной и непоследовательной, каковой они между собой считают женскую интуицию. Их интуиция солидно называется «внутренним чутьем», но это не просто чутье. Это процесс более необычный и в конечном счете более логичный в своей естественности, чем самые фантастические компьютерные расчеты. Это наш самый сложный когнитивный процесс и в то же время самый простой.

Интуиция связывает нас с естественным порядком вещей и нашей природой. Свободная от оков суждений, связанная только с ощущениями, она ведет к предсказаниям, которые нас задним числом изумляют. «Я почему-то знал», — скажем мы о случайной встрече, которую предсказали, или о неожиданном телефонном звонке от далекого друга, или о невероятном повороте в чем-то поведении, или о насилии, которое мы обошли стороной, или о насилии, которое мы слишком часто ухитрились не обойти. «Я почему-то знал». Как знала Келли, и как можете знать вы.

Семейная пара, которая назначила мне встречу, чтобы поговорить о беспокоящих и угрожающих телефонных звонках, хотела, чтобы я выяснил, кто за этим стоит. Исходя из слов звонящего, было очевидно, что это человек, которого они знают, но кто? Ее бывший муж? Странный парень, которому они как-то сдавали комнату? Сосед, рассерженный тем, что они затеяли стройку? Подрядчик, которого они уволили?

Они думали, что эксперт скажет им, кто это, но на самом деле они сами назовут мне злоумышленника. Это правда, что у меня огромный опыт и я сталкивался с тысячами случаев. Но у них есть опыт их конкретного случая. Вся информация, которая необходима для того, чтобы сделать точный вывод, спрятана внутри моих клиентов, и я попытаюсь вытащить ее наружу. В какой-то момент, обсуждая возможных подо-

зреваемых, женщина обязательно скажет что-то вроде: «Знаете, а ведь есть еще один человек, и у меня нет конкретных причин думать, что это он. Но у меня есть такое ощущение, и мне очень неприятно даже предполагать это, но...» И прямо в этот момент я мог бы отправить их домой и отослать им счет, потому что это и есть тот самый человек. Мы будем следовать интуиции моих клиентов до тех пор, пока я не «найду разгадку тайны». Меня будут хвалить за мастерство, но чаще всего я просто слушаю и помогаю клиентам прислушаться к себе. В начале этих встреч я говорю: «Нет недопустимых теорий, нет людей, которых нельзя обсуждать, нет бесосновательных внутренних ощущений». (На самом деле, как вы вскоре убедитесь, как раз «ощущения» обычно бывают небесосновательны.) Когда клиенты спрашивают: «Поступает ли человек, склонный угрожать, так-то и так-то?» — я отвечаю: «Да, иногда это бывает», — и это служит разрешением рассмотреть некую теорию.

Во время беседы с жертвой анонимных угроз я не задаю вопрос «Кто, по-вашему, прислал вам эти угрозы?», потому что большинство жертв не могут представить себе, что кто-то, с кем они знакомы, может так себя вести. Вместо этого я спрашиваю: «Кто мог бы послать их?» — и мы вместе составляем список всех, имеющих такую возможность, независимо от мотива. Затем я прошу клиента распределить возможные мотивы, даже самые дикие и смехотворные, между внесенными в список людьми. Это творческий процесс, в ходе которого на человека ничто не давит: нет обязательства быть точным и справедливым. Именно по этой причине почти в каждом случае одна из воображаемых теорий окажется верной.

Довольно часто самым большим моим вкладом в разгадку тайны становится отказ называть ее тайной. Это, скорее, головоломка, и у нас имеется достаточно фрагментов для того, чтобы разобраться в ней. Я так часто видел эти фрагменты, что могу распознать их быстрее, чем мои клиенты, но моя работа сводится к тому, чтобы уговорить клиентов выложить все части головоломки на стол.

Поскольку мы исследуем фрагменты «пазла» насилия, я продемонстрирую вам их формы и цвета. Поскольку вы и сами обладаете человеческой природой и всю жизнь присматриваетесь к людям, кусочки пазла вам уже знакомы. Кроме того, я надеюсь, что к тому времени, когда мы с вами расстанемся, вы будете знать главное: любой пазл можно разгадать еще до того, как перед вами предстанут все его части.

Мы говорим, что люди совершают действия «внезапно», «неожиданно», «ни с того, ни с сего». Эти слова и выражения поддерживают широко распространенный миф, будто спрогнозировать поведение человека невозможно. Но для того, чтобы успешно пробраться сквозь утренний поток транспорта, мы делаем удивительно точные и критически важные прогнозы поведения буквально тысяч человек. Мы автоматически расшифровываем слабые, бессознательно передаваемые сигналы: легкий наклон головы незнакомца или задержавшийся на мгновение взгляд человека в трех десятках метров от нас говорит нам о том, что можно проскочить перед носом его двухтонного монстра, не подвергаясь опасности. Мы ожидаем, что все водители будут действовать так же, как действовали бы мы, но все время внимательно выискиваем тех немногих, которые ведут себя не по правилам, — мы прогнозируем их поведение, хотя и можем назвать его непрогнозируемым. Таким образом, мы, передвигаясь намного быстрее тех, кто жил в первом десятилетии XX в. (стремительнее они неслись, разве что сорвавшись со скалы), уворачиваемся от гигантских стальных «ракет», фантастически точно оценивая намерения их «пилотов», а затем говорим, что не можем прогнозировать поведение человека.

Мы достаточно успешно предсказываем, как ребенок отреагирует на замечание, как отреагирует свидетель на вопрос, а жюри присяжных — на свидетеля, как потребитель отреа-

гирует на рекламный слоган, а зрители — на драматическую сцену, как жена отреагирует на придирки мужа, а он — на ее, как читатель отреагирует на фразу и т. д. и т. п. Предсказывать проявления насилия проще, чем все вышеперечисленное, но, поскольку мы почему-то считаем, что насилие — это отклонение, творимое особыми людьми, не такими же, как мы, то говорим, что не можем его прогнозировать. Смотря документальный фильм Джейн Гудолл, в котором группа самцов шимпанзе преследует и уничтожает другую группу самцов, мы говорим, что их неспровоцированное нападение объясняется защитой территории или необходимостью регулировать популяцию. С такой же уверенностью мы говорим, что понимаем причины и цели насилия, проявляемого любым созданием на Земле, кроме насилия, творимого нам подобными.

Насилие, которое более всего ужасает нас и которое мы называем «случайным» и «бессмысленным», не является ни тем ни другим. Оно всегда имеет цель и смысл, по крайней мере для преступника. Мы можем не знать его цели или не понимать ее, но она существует, и, до тех пор пока мы считаем акт насилия «бессмысленным», мы не сможем в нем разобраться.

Иногда акт насилия выглядит настолько устрашающе, что мы называем его виновника чудовищем. Но вы увидите вскоре, разобравшись в его человеческих качествах (а он такой же человек, как вы и я), что этот акт насилия можно было предсказать. Хотя мы затронем новые для вас факты и теории, связанные с насилием, вы вскоре убедитесь, что большая часть информации каким-то образом переключается с вашим собственным опытом. Вы поймете, что даже самые изощренные виды насилия имеют достаточно заметные признаки и предупреждающие сигналы. Вы увидите также, что более обыденные типы насилия, то есть те, которые могут затронуть любого из нас, как вызванное гневом насилие в отношении близких, столь же хорошо распознаваемы, как и проявления любви. (На самом деле насилие имеет намного меньше разновидностей, чем любовь.)

В телевизионных новостях показывают сюжет о мужчине, который застрелил жену на ее рабочем месте. Суд выдал ему постановление, запрещающее приближаться к жене, одновременно со вступлением в силу решения суда о разводе, причем это совпало с его днем рождения. В сюжете говорится о том, что он угрожал жене, о том, что он был уволен. За неделю до убийства он уже приставлял пистолет к голове жены, он преследовал ее. Но, даже сообщив об этих фактах, корреспондент заканчивает сюжет словами: «Официальные лица признают, что никто не мог предположить такое несчастье».

Так происходит из-за нашей веры в неисчерпаемую сложность человека, в миллионы мотивов и разновидностей поведения. Но человек устроен намного проще. Мы хотим думать, будто из-за бесконечного множества возможных сочетаний человеческих существ и эмоций предсказание насилия такое же трудное дело, как выигрыш в лотерее, но это не так. Мы хотим верить в то, что насилие находится за пределами нашего понимания, потому что пока оно остается тайной, мы не считаем себя обязанными избегать, исследовать или предупреждать его. Мы не считаем нужным брать на себя ответственность за неумение читать сигналы, ведь читать вроде было нечего. Мы можем сказать себе, что насилие происходит без предупреждения и обычно по отношению к другим, но благодаря существованию этих удобных мифов страдают жертвы и процветают преступники.

Истина заключается в том, что каждой мысли предшествует восприятие, каждому импульсу предшествует мысль, каждому действию предшествует импульс, и человек — совсем не столь скрытное и загадочное существо, чтобы его поведение нельзя было разложить на алгоритмы. Необходимо найти ответы на первостепенные для сохранения жизни вопросы. Попытается ли человек, который меня беспокоит, нанести мне вред? Впадет ли в ярость сотрудник, которого я должен уволить? Как поступить, если человек отказывается уйти из моей жизни? Как правильнее реагировать на угрозы? Какую опас-

ность представляют собой незнакомцы? Как удостовериться в том, что няня моего ребенка не нанесет ему вред? Как узнать, не опасны для ребенка некоторые его друзья? Не подает ли мой собственный ребенок сигналы, предупреждающие о возможном проявлении насилия в будущем? И наконец, как сделать жизнь тех, кого я люблю, более безопасной?

Даю обязательство: дочитав эту книгу до конца, вы сможете ответить на эти вопросы, и у вас появятся причины поверить в свою уже хорошо развитую способность прогнозировать насилие.

Почему я так уверенно говорю об этом? Потому что сорок лет учился этому у самых квалифицированных учителей.

Когда я позвонил Келли и сказал ей, что решил посвятить год написанию этой книги (на самом деле это заняло два года), я также поблагодарил ее за то, чему она меня научила: я всегда благодарю клиентов. «Не думаю, что вы научились чему-то новому на моем случае, — сказала она, — но какой случай дал вам самый важный урок?»

Несмотря на то что мне было из чего выбирать, я сказал Келли, что не знаю. Но, едва попрощавшись и положив трубку, я понял, что знаю ответ на вопрос. Задумавшись, я будто снова оказался в той комнате.

Женщина направила пистолет на своего мужа, который стоял, вытянув перед собой руки. Она нервно перехватила рукоятку небольшого полуавтоматического пистолета. «Сейчас я тебя убью», — повторила она едва слышно, почти про себя. Привлекательная стройная женщина тридцати трех лет, одетая в черные слаксы и белую мужскую рубашку. В магазине пистолета находилось восемь патронов.

Я стоял в стороне, в дверном проеме, наблюдая за разворачивающейся сценой. Как множество раз до этого и как это многократно повторится в будущем, я должен был спрогнози-

ровать, произойдет ли убийство, сдержит ли женщина обещание убить мужа. Ставки были высоки, потому что, кроме мужчины, которому угрожала опасность, в доме находились двое маленьких детей.

Я знал, что угрозы такого рода легко высказывать, но труднее осуществить. Как и все угрозы, слова женщины свидетельствовали о том, что она не может влиять на события другим способом и, как все те, кто высказывал угрозы, она должна была наступать или отступить. Она могла удовлетвориться страхом, вызванным ее словами и действиями, могла подержать мужа на мушке и ограничиться этим.

Или она могла нажать на курок.

Силы, которые удерживали эту молодую женщину от убийства, и силы, которые могли толкнуть ее на дальнейшие действия, сражались друг с другом подобно океанским волнам во время шторма. Она то становилась агрессивной, то успокаивалась. В какой-то момент казалось, что насилие берет верх, и она выберет его, в следующую секунду создавалось впечатление, что насилие — последнее, к чему она прибегнет. Однако насилие и *есть* то последнее, что совершают некоторые люди.

Все это время пистолет был направлен на мужа.

Находясь под прицелом, мужчина не шевелился, он только часто, неглубоко дышал. Он держал руки перед собой, как будто они могли остановить пулю. Я помню, как задумался на миг, больно ли, когда в тебя попадает пуля, но другая часть моего сознания мгновенно вернула меня к работе, которую я должен был выполнять. Я не мог упустить ни одной детали.

Женщина, казалось, расслабилась и опять замолчала.

Несмотря на то что некоторым наблюдателям это могло бы показаться благоприятным признаком, я должен был понять, не являются ли паузы попыткой собраться с силами и подготовиться к убийству. Я обратил внимание на то, что женщина была босая, но решил, что это наблюдение не имеет отношения к стоящей передо мной задаче. Детали — это моментальные снимки, а не портреты, и я должен был быстро решить,

что может помочь мне сделать прогноз, а что — нет. Разбросанные в беспорядке бумаги на полу у перевернутого стола, лежащая рядом с телефоном трубка, стакан, разбитый тогда, когда спор еще не зашел чересчур далеко, — все это я оценил и быстро отшел.

Потом я заметил важнейшую деталь, хотя это было всего-навсего движение на полсантиметра. (При прогнозах резкое движение может привлечь наше внимание, но редко играет основную роль.) Сдвиг большого пальца правой руки женщины на пять миллиметров к основанию спускового крючка приблизил ее к убийству сильнее, чем все, что она сказала или могла сказать. На этом месте она начала гневную тираду. Спустя мгновение женщина оттянула спусковой крючок назад, и это, очевидно, придало ей уверенности. Она заговорила короткими рублеными фразами. Она становилась все злее, и могло показаться, что я должен поспешить с прогнозом. На самом деле у меня было много времени, потому что самые лучшие прогнозы используют все имеющееся время. Если процесс эффективен, то он завершается сразу перед чертой, которая разделяет прогнозирование и ретроспективу, чертой между тем, что может произойти, и тем, что только что произошло.

Это похоже на прогноз с высокими ставками — достаточно ли уменьшит водитель едущей впереди машины скорость для того, чтобы его можно было безопасно объехать. Это фантастически сложный процесс, но он всегда завершается точно в нужный момент. В тот день я автоматически применил важнейший инструмент любого прогноза: индикаторы, предшествующие инциденту. Правда, тогда я об этом и не подозревал.

Индикаторы, предшествующие инциденту, — это события, происходящие до того, как случится прогнозируемый инцидент. Когда вы ступаете на нижнюю перекладину раздвижной лестницы, это событие является индикатором, предшествующим инциденту — подъему под крышу, а когда вы ступаете на шестую перекладину, это еще более очевидный индикатор. Поскольку все, что делает человек, происходит дважды — пер-

вый раз в уме, второй раз — в реальности, идеи и импульсы являются индикаторами, предшествующими действию. Угрозы женщины убить мужа говорят о наличии идеи, которая может стать первым шагом к результату; то, что она использовала пистолет во время спора, — еще один индикатор, так же как и покупка пистолета несколькими месяцами ранее.

Теперь женщина пятилась от мужа. Со стороны это могло показаться отступлением, но я интуитивно почувствовал, что это — последний индикатор перед тем, как она спустит курок. Поскольку огнестрельное оружие не предназначено для ближнего боя, ее желание несколько увеличить дистанцию до человека, в которого она намеревалась выстрелить, оказалось элементом, завершившим мой прогноз, и я сразу перешел к действиям.

Я тихо отступил в холл через кухню, где подгорел забытый обед, и прошел в небольшую спальню, где спала маленькая девочка. Уже находясь в спальне, я услышал спрогнозированный мной секунду назад выстрел. Я испугался, но не удивился. Но меня очень беспокоила установившаяся вдруг тишина.

Я сначала планировал вынести ребенка из дома, но теперь передумал и велел малышке оставаться в кровати. В свои два года она, вероятно, не понимала всей серьезности ситуации, но мне было десять лет, и я знал о таких вещах все.

Раньше мне уже приходилось слышать в доме звуки выстрелов: за несколько месяцев до того моя мать случайно выстрелила в меня. Тогда пуля пролетела так близко от моего уха, что я услышал, как она прожужжала в воздухе перед тем, как удариться в стену.

Возвращаясь в гостиную, я почувствовал запах пороха и остановился. Не входя в комнату, я напряженно прислушивался, пытаюсь понять, что произошло. Там было слишком тихо.

Я стоял, пытаюсь уловить хотя бы звук, как вдруг раздался сильнейший грохот: прозвучало еще несколько выстрелов. Такого я не предсказывал. Я быстро вбежал в столовую.

Мой отчим стоял на коленях, мать склонилась над ним, вроде бы предлагая помощь. Я видел кровь у него на руках и ногах, и, когда он посмотрел на меня, я попытался успокоить его своим бесстрашным видом. Я знал, что с ним, в отличие от меня, никогда ничего подобного прежде не случалось.

Пистолет лежал на полу недалеко от меня, поэтому я наклонился и поднял его за ствол. Он был неприятно горячим на ощупь.

С точки зрения прогнозирования представшая перед моими глазами ситуация казалась сравнительно благоприятной. Моей первой мыслью было схватить пистолет и убежать с ним через заднюю дверь, но из-за нового предсказания я ограничился тем, что спрятал его под подушкой на кушетке. Я пришел к выводу, что мама вместе с этими выстрелами выплеснула большую часть своего запаса злобы и отчаяния. По крайней мере в этот момент она была не только адекватна, но и переключилась на роль заботливой жены, лечащей раны своего мужа, как будто не она их нанесла. Теперь от нее не исходила угроза, и она превратилась в человека, чьим заботам мы могли довериться. Она убедится, что с моим отчимом будет все в порядке, она поговорит с полицией и врачами скорой помощи, она вернет нашу жизнь на круги своя так уверенно, словно в ее силах было затолкнуть патроны обратно в пистолет.

Я пошел проверить, как там моя младшая сестра, которая по-прежнему сидела в своей кровати и ждала. Я уже знал, что после крупного инцидента наступает период безопасности и покоя, а потому улегся рядом с ней и, хотя не мог полностью отключить прогнозирование, но хотя бы немного опустил перископ, и через некоторое время мы заснули.

К тому моменту, когда через год мы съехали из этого дома, в его стенах и полу застряли девять пуль. Дом по-прежнему существует. Я думаю, что пули существуют тоже.

Когда Генеральный прокурор США и директор ФБР наградили меня за разработку MOSAIC™ — системы, ныне используемой для оценки угроз членам Верховного суда США, — ни тот, ни другой, разумеется, не догадывались, что эту систему изобрел десятилетний мальчик, но на самом деле это было именно так. Способ, с помощью которого я, будучи ребенком, проанализировал отдельные элементы акта насилия, лег в основу алгоритма самых изощренных систем искусственной интуиции, прогнозирующих сегодня проявления насилия. Мои страхи стали моими учителями.

Меня часто спрашивают о том, как я начал заниматься своей работой. Если рассматривать мою жизнь, словно кино, то ответ можно разбить покaдрово: вот мне одиннадцать лет, и я вместе с другими зрителями бегу рядом с лимузином, пытаюсь хоть одним глазком взглянуть на Элизабет Тэйлор и Ричарда Бартона, потом переключиться на меня в лимузине, потому что через восемь лет я буду работать на эту знаменитую пару. Вот я смотрю по телевизору инаугурацию президента Кеннеди, а через двадцать лет присутствую на церемонии инаугурации другого президента, а еще через двенадцать лет — еще одного президента. В шоке я смотрю репортаж об убийстве Кеннеди, а в следующем эпизоде вместе с правительством работаю над прогнозированием и предотвращением подобных покушений. Снова в шоке я смотрю репортаж об убийстве сенатора Роберта Кеннеди, а в следующем эпизоде занимаюсь разработкой системы оценки, которая сейчас используется для отслеживания угроз членам сената Соединенных Штатов.

Безуспешная попытка не дать одному из мужей моей матери ударить ее сменяется сценой, в которой я обучаю сотни детективов из полиции Нью-Йорка новым способам оценки домашнего насилия. Посещение матери в изоляторе психиатрической клиники после очередной попытки самоубийства перемежается с поездками по психиатрическим лечебницам в качестве

советника губернатора Калифорнии. Ну и самое главное: детство я прожил в страхе, но со временем начал помогать людям управлять страхом.

Естественно, мое детство не было похоже на кино, хотя в нем были сцены погонь, драки, стрельбы, угонов самолетов, смертельного напряжения и самоубийств. Пока я был ребенком, сюжет не имел для меня особого смысла, но потом я его смысл постиг. Оказывается, я проходил курс обучения, и такого рода университеты заканчивали все вы, хотя, надеюсь, на других отделениях. Специализация тут не имеет особого значения, важно лишь, что вы тоже в течение долгого времени познавали людей, тщательно выстраивая теории и стратегии, и потому тоже умеете прогнозировать их возможные действия.

Даже некоторые мои клиенты будут удивлены, узнав то, что узнали вы о моей подготовке в детстве. Впрочем, те, кто попадает в мой офис, удивляются многому, ведь моя фирма очень необычна. Среди клиентов компании *Gavin de Becker, Incorporated*, федеральные ведомства (включая Службу маршалов США, Совет управляющих Федеральной резервной системы и Центральное разведывательное управление), работники прокуратуры, приюты для женщин, подвергшихся физическому насилию, гигантские корпорации, университеты, телезвезды, телевизионные компании, департаменты полиции, города, штаты, киностудии, известные деятели культуры, религиозные лидеры, выдающиеся спортсмены, политики, певцы и музыканты, кинозвезды и студенты. Среди клиентов есть самые известные и самые незаметные в мире люди.

Мои сотрудники присутствуют на инаугурации президента на одном побережье и на церемониях вручения «Оскара» и «Эмми» — на другом. В один прекрасный день они осторожно пробираются через толпу разгневанных демонстрантов, а на следующий — проникают в подземный гараж в здании федерального суда. Мы ездили по Африке, Европе, Азии, Ближнему Востоку, Южной Америке и островам южной части Тихого океана, изучая проявления насилия в этих местах. Мы